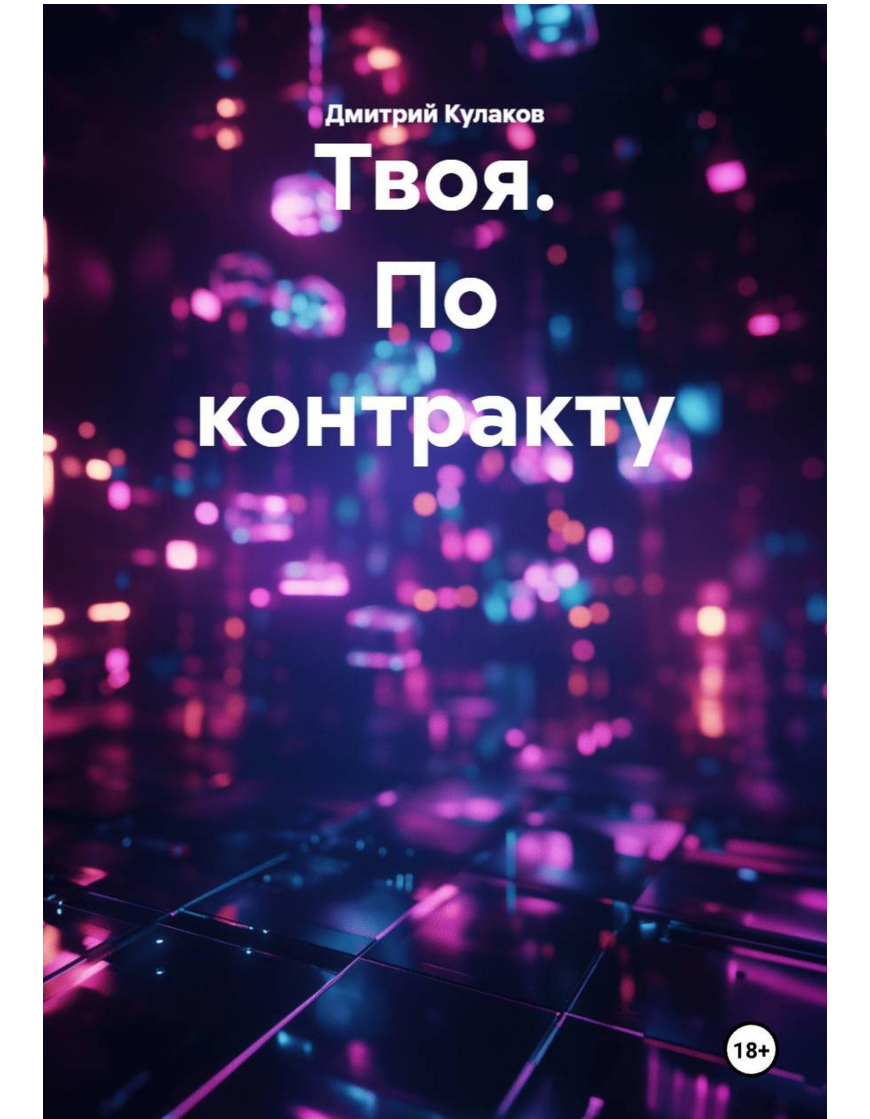

Дмитрий Кулаков

Твоя. По контракту

18+

Дмитрий Кулаков

Твоя. По контракту

<https://litres.ru/74652422>

SelfPub; 2026

Аннотация

«Я не покупаю женщин. Я их создаю».

Маргарита думала, что её жизнь кончена: отец-алкоголик, долги и единственная ценность — старый ноутбук. Но одна ошибка в коде привела её к Демиду Воронцову — человеку, который владеет этим городом.

Он предложил ей контракт. Стать его женой. Его вещью. Его идеальным оружием.

Спускаясь на самое дно порока и власти, Маргарита понимает: чтобы выжить рядом с этим хищником, ей придется стать монстром страшнее него. Но когда на кону миллиарды и человеческие жизни, кто в итоге окажется наживкой, а кто — рыбаком?

Эротическая драма о власти, которая развращает, и о любви, которая калечит.

Содержание

Глава 1. Математика на голодный желудок	4
Глава 2. Штраф за ошибку	8
Глава 3. Подпись кровью	13
Глава 4. Добро пожаловать в семью	18
Глава 5. Аудит с летальным исходом	23
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Дмитрий Кулаков

Твоя. По контракту

Глава 1. Математика на голодный желудок

Дождь в Москве всегда казался мне грязным. Он смывал с дорог реагенты, поднимая со дна серую взвесь, которая оседала на дорогах пальто и забивалась под ногти. Я стояла под козырьком «Кофемании» на Большой Никитской, вжимаясь спиной в холодное стекло витрины, и пыталась унять дрожь в пальцах. Не от холода — от того файла, который только что открылся на моем рабочем планшете. Концерн «Воронцов-Групп». Я, Маргарита Старцева, младший финансовый аналитик, должна была завтра утром защищать аудит их теневых схем. Схем, которые мой босс выстраивал последние пять лет. И схем, которые я только что скопировала на флешку, чтобы отнести в Следственный комитет. Это было самоубийством. Если меня найдут, живой я из города не выберусь. — Столики только для посетителей, — раздался над ухом голос, лишенный всяких эмоций. Я вздрогнула и обернулась. Он стоял так близко, что я почувствовала запах озона и дорогого сандалового дерева. На нем было черное кашеми-

ровое пальто, с которого вода скатывалась крупными каплями, не оставляя следов. Лицо — резкое, высеченное из камня, с тяжелым взглядом темных глаз, которые сейчас сканировали меня с холодным, почти медицинским интересом. — У меня нет денег на кофе, — ляпнула я, чувствуя, как предательски краснеют скулы. — Я просто прячусь от дождя. Уголок его идеально очерченных губ дернулся, но это не было улыбкой. Это была оценка. — Вы дрожите. — Здесь сквозит. — Вы боитесь. Я сглотнула. Он не спрашивал. Он констатировал факт. — У вас на планшете открыт консолидированный баланс «В-Г», — его голос опустился еще на полтона, становясь бархатным и опасным. — А на экране блокировки висит уведомление из мессенджера: «ФСБ. Подтвердите вход». Вы не похожи на корпоративного шпиона, слишком нервная. Вы — крыса, бегущая с корабля. Я прав, Маргарита? Откуда он знает мое имя? Кровь отхлынула от лица. Я сделала шаг назад, намереваясь броситься под ливень, лишь бы подальше от него, но он шагнул следом, загораживая выход на улицу. Его рост, его ширина плеч, его абсолютная уверенность в своем праве стоять здесь — всё это физически выдавливало меня обратно под козырек. — Я не знаю, о чем вы, — прошептала я, и голос предательски сорвался. — Знаете, — он медленно поднял руку. Я зажмурилась, ожидая удара или того, что он сейчас заломит мне руки, но он просто поправил мокрую прядь волос, прилипшую к моей щеке. — Меня зовут Демид Воронцов. Тот самый, чью компа-

нию вы собираетесь уничтожить завтра утром. Мое сердце пропустило удар и рухнуло куда-то в желудок. — Я не боюсь огласки, Маргарита, — продолжил он, убирая руку. Его пальцы едва коснулись моей кожи, но по нервным окончаниям словно пропустили ток. — Огласка — это просто цифры в прессе. Я боюсь предательства. А вы меня предали, даже не успев со мной познакомиться. — Я не хотела... Мой босс заставил... — Меня не интересуют ваши оправдания, — отрезал он. — Меня интересует моя собственность. И мой завтрашний триумф. Он достал из внутреннего кармана пальто белоснежный платок и протянул мне. — Вытрите лицо. Вы похожи на утопленницу. Я механически взяла ткань. Тонкий лен пах его парфюмом и чем-то неуловимо мужским, первобытным. — Вы поедете со мной, — это не было вопросом. — Мой водитель отвезет вас в безопасное место. Там вы будете ждать, пока я не закончу свои дела. — Я не сяду в вашу машину. Я вызову полицию! — Вы вызовете полицию на человека, который знает, что вы скачали данные на флешку, спрятанную в бюстгальтере? — его взгляд опустился на мою грудь, и я почувствовала, как твердеют соски то ли от страха, то ли от этого откровенно оценивающего, раздевающего взгляда. — Уверен, протокол задержания будет очень... интересным чтивом для ваших сокамерниц. Или вы поедете со мной по-хорошему. В моей машине есть пледы. И тишина. Он сделал приглашающий жест в сторону черного внедорожника, стоящего прямо на пешеходной зоне. Водитель

уже вышел и открыл заднюю дверь. — У меня нет выбора, — выдохнула я. — Выбор есть всегда, — возразил Демид, делая шаг ко мне. Теперь нас разделяли сантиметры. — Вы можете остаться здесь, под дождем. Без работы, без будущего, с уголовным делом за промышленный шпионаж. Или вы можете сесть в машину и стать моей проблемой. Моей личной проблемой. Он протянул мне ладонь. Узкую, с длинными пальцами, на безымянном которой не было кольца. Я посмотрела на его руку, потом в его глаза. В них не было ни капли сочувствия. Только хищный, собственнический интерес. И, вопреки всякой логике, вопреки вопящему в голове инстинкту самосохранения, я вложила свою холодную ладонь в его. Его пальцы сомкнулись на моих, стискивая до боли. — Умная девочка, — тихо произнес он, притягивая меня к себе, чтобы завести в салон. — А теперь мы едем домой. Ко мне. Нам нужно многое обсудить. Например, цену вашего молчания. И то, как именно вы будете его отрабатывать.

Глава 2. Штраф за ошибку

Дверь внедорожника закрылась, отрезая нас от гудящей улицы и ледяного дождя. Внутри пахло дорогой кожей, мятой и едва уловимым запахом табака, хотя я ни разу не видела его с сигаретой. Демид сел рядом, и огромный салон внезапно показался мне тесной камерой. Водитель тронулся абсолютно бесшумно.

— Выключи, — бросил Воронцов в микрофон, и стеклянная перегородка между нами и передними сиденьями плавно поднялась, погрузив нас в интимный, давящий полумрак.

— Итак, — он включил тусклую подсветку над своим креслом. Его лицо в этом желтом свете стало еще жестче, тени залегли в уголках рта и у крыльев носа. — Флешка.

— Она не у меня, — соврала я, обхватывая себя руками. Тонкая блузка под пиджаком насквозь промокла от дождя и неприятно холодила кожу.

— Маргарита, — он вздохнул, и в этом вздохе не было раздражения, только смертельная, звенящая усталость. — Я построил свою империю на том, что люди врут. Я слышу ложь в изменении тембра голоса, в задержке дыхания, в том, как человек перестает моргать. Вы сейчас врете так неумело, что мне почти больно это слушать. Флешка. На колени.

Его приказ повис в воздухе. Я смотрела на его руки, лежащие на коленях. Пальцы длинные, без единого лишнего

движения. Руки человека, который привык отдавать приказы, и их исполняют мгновенно.

— Если я отдам ее вам, мой босс меня убьет, — прошептала я. — Если вы не отдадите ее мне, вас убью я, — он наклонился вперед, опираясь локтем о спинку моего кресла. Расстояние между нашими лицами сократилось до десятка сантиметров. — А потом я все равно ее заберу. Угадайте, какой вариант будет для вас более болезненным?

Я медленно, стараясь не делать резких движений, расстегнула верхнюю пуговицу пиджака. Ткань липла к телу. Я просунула руку за пазуху, нащупывая холодный пластик. Демид не шевелился, но его ноздри едва заметно дрогнули, когда я, неловко вывернув запястье, вытащила флешку.

Я протянула ее ему.

Он не взял ее пальцами. Вместо этого он взял мою руку, все еще сжимающую накопитель, в свою. Его ладонь была горячее, почти обжигающей на контрасте с моей ледяной кожей. Он медленно, с нажимом провел большим пальцем по моим костяшкам, забирая флешку, но не отпуская мою кисть.

— Вы дрожите уже не от страха, — констатировал он тихо. Его взгляд переместился с моего лица на губы. — Вы хоть понимаете, что сейчас произошло? Вы отдали государственную улику, перечеркнувшую месяцы подготовки спецслужб, человеку, которого видите второй раз в жизни. Потому что я приказал.

— Я не хочу умирать, — выдохнула я. — Никто не хочет, — он наконец разжал пальцы, отпуская мою руку, и откинулся на спинку сиденья. — Но вы, Маргарита, обладаете уникальным талантом выбирать для этого самые изощренные способы. Укрыться у меня — это все равно что лисе прятаться от охотников в норе волка.

— Вы сдадите меня полиции? — Зачем? — он пожал плечами с пугающим безразличием. — Полиция — это шумно. Суды — долго. Я предпочитаю решать проблемы лично. Вы украли мои данные. Теперь вы — моя вещь. Мой актив. До тех пор, пока я не решу, что долг уплачен.

Автомобиль плавно замедлил ход и нырнул в подземный паркинг. За окном поплыли ряды дорогих машин, освещенные мертвенно-синим неоном. Мы остановились у лифта. Демид вышел первым, и мне ничего не оставалось, кроме как последовать за ним. Его черный зонт, появившийся словно из ниоткуда, накрыл нас обоих. Под ним было тесно. Его плечо касалось моего, и сквозь мокрую шерсть пальто я чувствовала жар его тела.

Его пентхаус встретил нас звенящей тишиной и панорамными окнами во всю стену, за которыми Москва лежала как на ладони, расчерченная нитями трасс.

— Раздевайтесь, — скомандовал он, бросая ключи на консоль из черного мрамора.

Я замерла, вцепившись в мокрый воротник пиджака. — Что? — Вы сели в мою машину. Вы вошли в мой дом. И

вы до сих пор капаете грязной водой на мой паркет, — он кивнул на темное пятно у моих ног. — Мокрая одежда вам не идет. Она делает вас похожей на испуганного воробья. А мне не нужен воробей. Снимите все.

Это было сказано тем же ровным, деловым тоном, каким он обсуждал бы котировки акций. Ни капли похоти в голосе, только голая, неприкрытая власть.

— Я не... — Вы — моя, Маргарита, — он шагнул ко мне. Теперь он возвышался надо мной, заслоня собой огни города. — Я спас вас сегодня от тюрьмы. Я спас вас от смерти. За такие долги платят натурой. Не заставляйте меня применять силу. Я предпочитаю, чтобы женщины раздевались сами. Это намного... эстетичнее.

Его пальцы коснулись верхней пуговицы моей блузки. — Я помогу.

Я перехватила его запястье. Его кожа под моими пальцами была сухой и горячей. — Если я разденусь, — голос звучал хрипло, — это будет значить, что я согласна? — Это будет значить, что вы умная девочка и понимаете, когда нужно платить по счетам, — он освободил руку, но не отстранился. — А я пойму, насколько вы дорожите своей жизнью.

Он начал расстегивать пуговицы сам. Медленно, одну за другой, обнажая белую кружевную ткань лифчика и мою бледную, покрытую мурашками от холода и ужаса кожу. Я стояла неподвижно, позволяя ему это делать, глядя в его темный, абсолютно непроницаемый затылок.

Последняя пуговица поддалась. Блузка распахнулась. Демид провел костяшками пальцев по моей ключице, спустился к ложбинке между грудей и замер, глядя мне прямо в глаза.

— С остальным я справлюсь быстрее, — произнес он и, не сводя с меня взгляда, опустился на колени.

Его руки легли на мои бедра, нащупывая молнию юбки. Я вцепилась ему в плечи, чувствуя, как под дорогим кашемиром перекачиваются стальные мышцы. Юбка упала к моим ногам бесформенной черной лужей.

Он остался на коленях на полу, между моих ног, одетый в безупречный костюм, который стоил больше, чем моя годовая зарплата. И смотрел на меня снизу вверх — как хищник смотрит на добычу, которая сама пришла в его логово и теперь не имеет ни единого шанса на спасение.

Глава 3. Подпись кровью

Он провел ладонями вверх по моим ногам, задирая подол комбинации. Ткань поползла по бедрам с тихим, интимным шелестом. Я должна была оттолкнуть его. Должна была ударить, закричать, вцепиться ногтями в это холодное, красивое лицо. Но вместо этого я только крепче вцепилась в его плечи, чувствуя, как под моими пальцами с бешеной скоростью бьется его пульс. — Боишься? — его голос прозвучал прямо у моего живота. Он не смотрел на мое лицо, его внимание было приковано к кружевной резинке чулка. — Да, — выдохнула я, и это было чистой правдой. — Правильно, — он поддел пальцем край белья. — Страх — отличный анестетик для гордости. Одним резким, выверенным движением он разорвал тонкое кружево. Звук рвущейся ткани в оглушающей тишине пентхауса прозвучал как выстрел. Он отбросил лоскут ткани на стеклянный столик. — Ты портишь вещи, — прошептала я, сама не понимая, зачем пытаюсь сохранить остатки достоинства. — Я забираю свое, — отрезал он и поднялся с колен. Он был выше меня на полторы головы. Теперь, когда на мне почти не осталось одежды, а он был полностью одет, дисбаланс власти ощущался физически, давил на грудную клетку. Демид снял пиджак, небрежно бросив его на спинку кресла. Узел его дорогого шелкового галстука оставался идеально затянутым. — На кровать,

— кивнул он в сторону огромной спальни, скрытой за матовым стеклом. — На спину. Руки над головой. Я подчинилась. Шелк холодных египетских простыней обжег разгоряченную кожу. Я вытянулась, как он велел, глядя в потолок, по которому скользили блики от неоновых вывесок с улицы. Я слышала, как он открывает ящик прикроватной тумбочки. Металлический щелчок. Затем еще один. Он вернулся в поле моего зрения. В руках у него были широкие кожаные манжеты. — Это лишнее, — мой голос дрогнул. — Я не буду сопротивляться. — Я знаю, — он поймал мое запястье, щелкнув застежкой. Холодная кожа сомкнулась над костью, пристегивая мою руку к резному столбику кровати. То же самое он проделал со второй. Я была распята на его постели, обнаженная и абсолютно беспомощная. — Но мне нравится процесс. Он сел на край кровати, рядом с моим бедром. Его пальцы коснулись моей щеки, заставляя повернуть голову. — Посмотри на меня. Я открыла глаза, которые, оказывается, успела зажмурить. Его лицо было совсем близко. — Ты думала, я просто возьму тебя? — он усмехнулся, и эта усмешка была страшнее любого крика. — Как животное? Нет, Маргарита. Я не трахаю испуганных девочек. Я их воспитываю. Я ломаю их сопротивление и собираю заново по своему вкусу. Ты станешь моим лучшим проектом. Его рука спустилась ниже, обводя контур моей груди. Большой палец коснулся соска, и я непроизвольно выгнулась навстречу его ладони, издав тихий, стыдный стон. — Видишь? — прошеп-

тал он. — Твое тело уже умнее тебя. Оно знает, кому принадлежит, и не собирается воевать. Он накрыл мой рот своим. Это не был нежный поцелуй. Это было клеймение. Жестко, глубоко, требовательно, его язык хозяйничал у меня во рту, не оставляя ни сантиметра личного пространства. Я ответила — сначала робко, а потом вцепилась в него с отчаянием утопающей. Это было хуже любого насилия — это было предательство моего собственного тела, которое плавилось от прикосновений человека, который только что разорвал на мне белье и приковал к кровати. Он оторвался от моих губ, провел дорожку поцелуев по шее, спустился к ключице. Его руки тем временем ловко избавлялись от остатков одежды. Я услышала, как дорогие туфли ударились о пол. Звякнула пряжка ремня. Я повернула голову. В отражении панорамного окна напротив кровати теперь было два силуэта: его — темный, мощный, хищный, и мой — светлый, распятый, с заведенными над головой руками. Он навис надо мной, опираясь на руки по обе стороны от моей головы. — Правила просты, — его дыхание опалило мою кожу. — Ты делаешь то, что я говорю. Ты кончаешь, когда я разрешу. Если закричишь без спроса — я заткну тебе рот. Если попытаешься закрыться — привяжу ноги. — А если я попрошу остановиться? — прошептала я, глядя в его темные глаза, в которых сейчас разгорался первобытный огонь. — Ты не попросишь, — он качнул бедрами, и я почувствовала его — тяжелый, горячий, упирающийся мне в бедро. — Потому что ты при-

шла ко мне сама. Он вошел в меня одним резким, глубоким толчком. Воздух выбило из легких. Я закусила губу до крови, чтобы не закричать — не от боли, хотя тело было не вполне готово, а от оглушающего, всепоглощающего чувства заполненности. Он замер на секунду, давая мне привыкнуть, его лоб коснулся моего. — Идеально, — выдохнул он мне в губы. — Ты создана под меня. И он начал двигаться. Сначала медленно, вымеряя каждый дюйм, вбиваясь в меня так глубоко, что я теряла связь с реальностью. Его ритм был таким же, как его бизнес — безжалостным, выверенным, не терпящим возражений. Он вбивал меня в шелк простыней, и с каждым толчком из моей головы выветривался страх, оставляя после себя только чистое, животное желание. Мои руки в кожаных браслетах натянулись до предела. Я была в его полной власти. — Смотри на меня, — прорычал он, ускоряя темп. Его рука легла на мое горло, не сжимая, а лишь фиксируя, напоминая о том, кто здесь хозяин. — Смотри, как ты кончишь для меня. Мир взорвался белой вспышкой. Меня выгнуло дугой, тело свело судорогой спазма, и я закричала, срывая голос, не в силах сдержать нахлынувшую волну. Он позволил мне рухнуть обратно на подушки, но не остановился, вбиваясь сквозь мой оргазм еще жестче, пока через несколько рваных, мощных толчков не замер внутри меня, тяжело дыша и уронив голову мне на плечо. Тишина вернулась в пентхаус, смешиваясь с шумом возобновившегося дождя за окном. Он вышел из меня так же резко, как и вошел,

и лег рядом на спину, закинув руку за голову. Мы оба тяжело дышали. Я лежала неподвижно, чувствуя, как по внутренней стороне бедра стекает его семя, а запястья саднит от кожи браслетов. Я была прикована к кровати мужчины, который меня купил. Который меня сломал. И, что было самым страшным, я не чувствовала ничего, кроме опустошающего, сладкого покоя. Демид повернул голову. На его губах играла сытая, почти кошачья улыбка. — Добро пожаловать домой, Маргарита. Завтра утром ты позвонишь в Следственный комитет и скажешь, что потеряла флешку. А после обеда мы начнем учить тебя финансовой отчетности. У тебя ведь, кажется, проблемы с цифрами? Я это исправлю.

Глава 4. Добро пожаловать в семью

Сон не шел. Я лежала на животе, натянув на голое тело край тяжелой шелковой простыни, и смотрела на его профиль. Демид спал на спине, раскинув руки. В тусклом свете уличных фонарей его лицо казалось высеченным из гранита — расслабленное, лишенное привычной хищной маски, оно выглядело почти уязвимым. Только во сне он не контролировал реальность, и это давало мне странное, извращенное чувство превосходства. Я осторожно, миллиметр за миллиметром, потянула правую руку из кожаного браслета. Петля была затянута плотно, но замок был магнитным — я заметила это по едва заметной тонкой щели, когда он пристегивал меня. Он был слишком уверен в моем послушании, чтобы проверять надежность креплений. Палец нащупал утопленную кнопку. Тихий, едва уловимый щелчок. Свобода. Я медленно спустила ноги с кровати. Мышцы, сведенные судорогой наслаждения, ныли при каждом движении. На полу, рядом с его сброшенными брюками, лежал мой разорванный кружевной лиф. Я сглотнула, глядя на него. Ткань была испорчена безвозвратно. Как и моя прежняя жизнь. Нужно было бежать. Прямо сейчас, пока он спит. Дождь кончился, внизу стоит его машина, у меня есть флешка. Я могу доехать

до любого круглосуточного кафе, вызвать такси и исчезнуть в спальных районах Москвы. Я сделала шаг к креслу, где висел его пиджак. В кармане должен быть пропуск из подземного паркинга. — Даже не думай. Голос прозвучал за спиной так ровно, что я вздрогнула всем телом и обернулась. Демид не спал. Он лежал в той же позе, не открывая глаз, но я знала — он не спит. Он слушал тишину. — Я просто хотела пить, — солгала я, чувствуя, как предательски дрожат колени. — В мини-баре есть вода. Бутылка Evian. Слева. Тебе не нужно ходить по моему дому босиком. Я застыла. Он знал каждый мой шаг в этой комнате. Он слышал, как щелкнул замок браслета. — Ты разочаровываешь меня, Маргарита, — он открыл глаза. Они были абсолютно черными, бездонными. — Я думал, ты умнее. Побег — это банально. — Я не хочу быть твоим проектом, — голос сорвался на шепот. — Я хочу быть собой. — Себя ты уже потеряла, когда решила поиграть в шпионку, — он сел на кровати. Простыня соскользнула с его бедер, обнажая мускулистый торс. Он не сделал попытки встать или подойти ко мне. Он просто смотрел. — Иди сюда. — Нет. — Иди. Сюда, — в его тоне не было просьбы. Это была констатация неизбежного. Мои ноги сами сделали шаг к кровати. Затем еще один. Я ненавидела себя за это подчинение, но гравитация его воли была сильнее земного притяжения. Он протянул руку и схватил меня за лодыжку, дергая на себя. Я упала на матрас, больно ударившись коленями. — Ты думала, я просто забуду про наручники? — он перевер-

нул меня на спину, наваливаясь сверху. Его вес прижимал меня к кровати, лишая возможности дышать. — Ты моя. Я сказал это в машине. Я подтвердил это в этой постели. Какого черта тебе еще нужно, чтобы это усвоить?— Выбор! — выкрикнула я ему в лицо. — Мне нужен хотя бы иллюзия выбора!Его рука легла на мое горло. Не сильно, но достаточно, чтобы я почувствовала биение собственной сонной артерии под его большим пальцем. — Выбор — это роскошь для тех, кто может за него заплатить, — прошипел он. — Твой счет пуст. Он отпустил мое горло и потянулся к прикроватной тумбочке. Я зажмурилась, ожидая увидеть второй браслет, плетъ, что угодно. Но он достал оттуда свой смартфон. Проллистал что-то на экране и протянул его мне. — Смотри.На экране был открыт банковский перевод. *Получатель: Старцева Маргарита Викторовна. Сумма: 50 000 000 рублей. Назначение платежа: Неосновательное обогащение и компенсация морального ущерба. Статус: Исполнено.*— Что это? — выдохнула я. — Это цена твоей свободы, — спокойно ответил Демид. — Я купил твой долг перед боссом. Я купил твое молчание перед ФСБ. Я купил твою квартиру в Отрадном и закрыл твой кредит за обучение. Ты чиста перед законом. И передо мной. — Тогда отпусти меня, — прошептала я, глядя на цифры, которые решали все мои проблемы. — Я не держу тебя, — он кивнул на дверь. — Дверь не заперта. Код от лифта — твой день рождения. Можешь уходить. — Но... зачем тогда браслеты? Зачем этот спектакль? — Пото-

му что деньги решают проблемы с законом, Маргарита. Но они не решают проблему с тем, что ты — моя, — он наклонился так близко, что его губы коснулись мочки моего уха. — Я могу купить твоё тело. Я могу купить твоё время. Но я не могу купить твою волю. А мне нужна она. Вся. Без остатка. Он отстранился, сел обратно на свою половину кровати и нажал кнопку на пульте. Изголовье кровати плавно приподнялось, принимая положение полулежа. — Сейчас три часа ночи. В восемь утра у меня совет директоров. Я не спал прошлую ночь из-за твоего аудита. Раз уж ты не смогла сбежать, будь полезна. Он кивнул на ноутбук, стоящий на его коленях. — Садись. Твоя одежда в ванной. Платье, которое ты там найдёшь, стоит три тысячи евро. Если ты его порвёшь или испачкаешь кофе — вычту из твоего выходного пособия. Я смотрела на него, пытаюсь найти в себе ненависть. Но находила только дрожь. Он не просто взял меня силой. Он перекупил мою реальность, оставив мне только одну лазейку — саму себя. — Я не твоя секретарша, — сказала я, но уже не так уверенно. — Ты мой финансовый аналитик, — поправил он, не отрываясь от экрана, где уже открылись графики котировок. — Начни с консолидированного отчёта по офшорам. И подай мне плед. Ноги мерзнут. Я молча встала. Прошла в его ванную, отделанную чёрным ониксом. На вешалке висело темно-синее кашемировое платье-футляр. Оно было моего размера. Идеально моего. Когда я вышла, закутанная в его рубашку, он даже не поднял головы. — Рубашку вер-

ни. И сядь за стол. Я села на ковер у его ног, прислонившись спиной к кровати, и взяла в руки планшет, который он мне протянул. Цифрыплыли перед глазами. — Выше, — командовал он, не глядя на меня. — Мне дует от окна. Я поднялась и села на край кровати, рядом с ним. Наши бедра соприкасались. — Демид... — начала я. — Работай, — отрезал он. Я открыла файл. В восемь утра он должен был уничтожить моего бывшего босса на совете директоров, используя те самые данные, которые я украла. Я должна была его ненавидеть. Но вместо этого я просто начала вводить формулы, чувствуя, как его пальцы лениво перебирают мои влажные волосы, пока я считаю его миллионы.

Глава 5. Аудит с летальным исходом

Солнце ударило в панорамные окна ровно в семь утра. Я вздрогнула, выныривая из тяжелого, поверхностного сна, и только через секунду поняла, что сплю сидя, привалившись к плечу Демида. Его ноутбук давно погас, а сам он, казалось, даже не шевелился всю ночь. Его голова была запрокинута на мягкий валик, глаза закрыты, дыхание ровное. Мое тело затекло. Платье, в котором я уснула, смялось, волосы спутались. Я попыталась встать, но его рука, лежавшая на моем бедре, рефлексивно сжалась, удерживая меня на месте. — Спи, — пробормотал он, не открывая глаз. — Еще час. — Мне нужно в душ. И кофе. У тебя совет директоров через час, ты проспишь. Он приоткрыл один глаз. В утреннем свете его радужка казалась не черной, а темно-ореховой. — Мой совет директоров подождет, пока моя женщина пьет кофе. Встань. Я соскользнула с кровати. Пол из шлифованного камня был ледяным. Я поежилась, обхватывая себя руками, и направилась в ванную. — Маргарита. Я обернулась. Он смотрел на меня из-под полуопущенных ресниц, и в этом взгляде было что-то новое. Что-то, что пугало меня больше вчерашней грубости. — Платье. Сними его. — Демид, у тебя нет времени на... — Сними. Его. Я молча потянула вниз мол-

нию на спине. Кашемир скользнул к моим ногам бесформенной синей лужей. Я перешагнула через него и скрылась за матовой дверью душевой кабины. Горячие струи били по плечам, смывая не только запах его парфюма и секса, но и остатки моей прошлой жизни. Когда я вышла, обернутая в огромное белое полотенце, Демид уже стоял у окна. Он был полностью одет в безупречный костюм, волосы идеально уложены, на запястье поблескивали часы. Он выглядел как ожившая статуя бога войны, отлитая из денег и власти. Он обернулся. Его взгляд прошелся по моим мокрым волосам, по каплям воды, стекающим по ключицам, и задержался на полотенце. — Сними, — снова приказал он. — Ты с ума сошел? Тебя ждут в башне через сорок минут. — У меня вертолет на крыше, — он сделал шаг ко мне. — У меня есть тридцать девять минут. Сними полотенце. Это было безумием. Игрой на выживание. Он хотел меня прямо сейчас, на холодном каменном полу своей гостиной, залитую утренним солнцем, под прицелом камер наблюдения, которые я только сейчас заметила в углах под потолком. Я разжала пальцы. Полотенце упало. Он не прикоснулся ко мне. Просто смотрел, медленно скользя взглядом сверху вниз, а затем обратно, к глазам. — Ты пахнешь моим гелем для душа, — констатировал он. — И страхом. — Я боюсь высоты, — зачем-то сказала я. — У тебя же вертолет. — Я знаю, — уголок его губ дернулся вверх. — Я проверил твое личное дело. Страх темноты, страх высоты, панические атаки в замкнутых пространствах.

И абсолютная, самоубийственная храбрость, когда дело касается цифр. Он подошел вплотную. Его пах был на уровне моего живота. Он пах свежестью, дорогим хлопком и опасностью. — Полезай на стол, — он кивнул на массивную дубовую столешницу прямо под окном. — Демид... — На стол. Руки на стекло. Я подчинилась. Холодный мрамор обжег ладони. Я стояла лицом к окну, глядя на просыпающийся город с высоты птичьего полета, чувствуя себя абсолютно обнаженной перед этим муравейником. Он подошел сзади. Я услышала звук расстегиваемой молнии. — Ты моя, — его голос прозвучал прямо над ухом, хриплый со сна и от желания. — Скажи это. — Я не... — Скажи. Это. Его пальцы впились в мои бедра, разводя ноги. — Я твоя, — выдохнула я в стекло, оставляя на нем мутный след от дыхания. — Громче. Чтобы они слышали, — он мотнул головой в сторону окна, за которым вдалеке виднелись шпили «Москва-Сити». — Я — твоя! — крикнула я, и голос сорвался. Он вошел в меня без предупреждения, одним резким движением, прижимая мой живот к ледяному мрамору стола. Это было жестко, быстро, почти жестоко — полная противоположность томной ночи. Утренний секс хищника, который метит территорию перед выходом на охоту. Он вбивался в меня, а я смотрела на город. Где-то там, внизу, люди спешили на работу, пили латте, стояли в пробках. А я стояла голая на столе самого опасного человека в стране, пока он брал меня сзади, лишая воли и остатков разума. — Кончи для меня, — прорычал он. —

Сейчас. И мир снова взорвался. На этот раз оргазм был острым, как лезвие бритвы, выжимающим из меня все силы. Я закричала, вжимаясь лбом в холодное стекло. Он последовал за мной через несколько толчков, вцепившись зубами мне в плечо прямо через ткань своей рубашки, чтобы не закричать самому. Мы замерли. Слышно было только наше тяжелое дыхание и гул ветра за окном. Он вышел из меня и привел в порядок свою одежду с пугающей, механической скоростью. Застегнул брюки, поправил манжеты. Затем он подошел к столу, где я все еще стояла, дрожащая и обессиленная. Достал из кармана пиджака белоснежный платок и методично стер с моего бедра следы нашей близости. — Одевайся, — бросил он, направляясь к лифту. — Платье в ванной. Через пять минут мы вылетаем. — Куда? — я с трудом сползла со стола, ноги подкашивались. — В мой офис. Ты же хочешь увидеть, как умирают гиганты? — он обернулся, и двери лифта начали закрываться. — Сегодня твой первый рабочий день, Маргарита. Не опаздывай. Двери сомкнулись. Я осталась одна в оглушающей тишине пентхауса. На полу валялось платье за три тысячи евро. Я подняла его, натянула на дрожащее тело. Ткань легла идеально. Я посмотрела на свое отражение в черном стекле выключенного телевизора. На меня смотрела чужая женщина с потемневшими глазами и искусанными губами. Я взяла со стола флешку, которую он оставил на самом видном месте. Она больше не была оружием. Она была моим входным билетом в его клетку. Поправив

волосы, я вышла из пентхауса. Код лифта действительно был моим днем рождения. Когда кабина поехала вниз, мой телефон в кармане платья завибрировал. Сообщение от Демида. *«Камеры в гостиной пишут в архив. Но звук я отключил. В следующий раз кричи громче».*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.